

ГЛАВА 8. КОНФЛИКТ КАК ИНСТРУМЕНТ СТАБИЛЬНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Н.А.Косолапов

Вопрос, может ли конфликт стать главным фактором стабильности в регионе или даже мире в целом, способен шокировать лишь мало знакомых с историей. Вошедшее в поговорки «Разделяй и властвуй» — не что иное, как древнейшая из дошедших до нас концепций «управления конфликтами» («conflict management»). Ведь если «разделяй» — значит, неизбежен конфликт. А коль скоро «властвуй», то не может не существовать некая по-своему достаточно стабильная система отношений: властвовать в хаосе невозможно по определению. Сочетание же того и другого и порождает систему конфликтов, посредством манипулирования которой обеспечивается стабильность какого-либо более высокого и сложного образования: империи, региональной или мировой системы отношений.

Формуле «разделяй и властвуй» повезло несравненно больше, чем любой из последующих теорий, будь то политики, международных отношений или же собственно конфликта. Именно на ней на протяжении тысяч лет основывалась практика внутренней, потом и международной политики. И надо признать: политически некорректно, неэтично и малоэстетично, чаще всего просто безобразно по форме и преступными средствами, но формула эта обеспечивала практические результаты. На какое-то время она давала относительную стабильность, за которой наступало время очередных перемен.

Надежность такой стабильности, ее цена и ее политическая приемлемость и легитимность — вот главные направления современных сомнений в целесообразности традиционного подхода к использованию конфликта как фактора и средства утверждения и поддержания желаемой стабильности. В мире XX и, видимо, XXI веков надежность стабильности тем выше, чем легитимнее (в политико-психологическом и правовом отношениях, но главное, в первом) представляются цели, методы и средства ее утверждения.

Не случайно термин «конфликт» на протяжении последней трети XX века постепенно вытеснил, подменил собой понятие «война». По мере исследования войн как явления международных отношений все яснее становились не только его механизмы, но и тот факт, что война — частный случай более широкого явления конфликта: частный по субъектам (государство, предгосударственные образования), формам и средствам ведения (военные, боевые), среде протекания (отсутствие позитивной политической целостности). Все это помогло осознать холодная война и ядерная конфронтация между СССР и США.

Понятие «конфликта» открывало возможность разграничивать военные и невоенные фазы конфликта, его эскалацию и деэскалацию, собственно конфликт как реальное взаимодействие и конфликтность как совокупность большего или меньшего количества предпосылок, влияющих на возможность и вероятность материализации конфликта, различные сценарии и стадии выхода из конфликта и т.д. Понятие конфликта позволяло решать военно-политические и практические задачи центрального (СССР-США) противостояния, не доводя его до опасной грани высокой вероятности перехода к ядерному обмену. В принципе открывалась перспектива сочетать конфликтное поведение с ограниченным сотрудничеством и даже с партнерством.

Свою роль сыграло, особенно начиная с рубежа 1960-х гг., общее усложнение международных отношений. С распадом системы колониализма и появлением десятков новых суверенных стран в отношениях между ними стали возникать военные противоборства на этноконфессиональной и социально-экономической основах, усиленные тем, что один этнос нередко оказывался разделенным между двумя и более государствами, или же население и элиты принадлежали к разным этносам. Эволюция системы международных отношений в целом от геополитического баланса сил ко все более глобализирующемуся миру меняет содержание и формы международных конфликтов новейшего времени, их место и роль в системе международных отношений, способы их ведения и завершения.

С распадом СССР и становлением постсоветского миропорядка понятия «конфликта», международного и интернационализованного конфликтов почти идеально отвечают условиям, целям и задачам эпохи глобализации, миротворчества, принуждения к миру, ибо конфликт по природе его способен быть не только внешним, но и внутренним (в том числе внутриглобальным) явлением, состоянием и процессом, совместимым — в этом его принципиальное отличие от войны, — со становлением, сохранением и развитием политической целостности той общности, в рамках которой он происходит.

Практика миротворческих операций поставила в последние десять лет минувшего века проблему управления последствиями конфликтов — создания таких стабильных политических и социально-экономических условий, при которых существовали бы разумные гарантии против новых вспышек конфликта, как минимум, на протяжении трех-четырёх десятилетий. Конфликт оказывается здесь практическим введением в стабильность — и поскольку факторы, вызвавшие конфликт, не могут быть устранены вдруг, только логично было бы использовать конфликт (и/или его отдельные элементы) в качестве материала построения желаемой стабильности. При этом снижался бы риск войны (именно войны в отличие от конфликта), ограничивались бы масштабы прямых и косвенных издержек и последствий вооруженной фазы конфликта.

В англо-американской ветви теории международных отношений давно уже (фактически с начала XX века, но особенно интенсивно с

1970-х годов) разрабатываются родственные друг другу концепции «сдерживания» и «дипломатии принуждения», фактически являющиеся теориями активного ведения наступательных конфликтов без прямого использования военной силы и/или на грани ее использования. Такой конфликт объективно оказывается сам по себе вполне стабильным состоянием межгосударственных и международных отношений (при всей опасности ядерного столкновения, конфронтации 1960-1980-х годов была присуща высокая мера стабильности и предсказуемости).

В центре внимания данной статьи — не конкретные механизмы, при посредстве которых конфликт может стать фактором стабилизации внутривострановой, региональной или мировой системы отношений (это отдельная и большая тема), но, во-первых, сама возможность, правомерность и целесообразность такой постановки проблемы, а во-вторых, особенно необходимый в ее контексте анализ того, что именно понимается под стабильностью и к какого рода стабильности в этом контексте было бы оправданно стремиться.

* * *

Тема, вынесенная в название статьи, не столь парадоксальна, как может показаться на первый взгляд. В самом деле, чем обычно диктуется в целом отрицательное отношение к конфликту? В первую очередь, разумеется, этическим неприятием наиболее крайних форм и средств конфликта, прежде всего тех, что влекут за собой кровь, физическое и психологическое насилие, страдания человека, разрушение материальной, социальной, духовной среды его обитания. Осознанием сопряженных со всяким конфликтом издержек: нравственных, человеческих, материальных, иных. Пониманием того, что с ним всегда связаны какие-то явные и еще более неявные, неожиданные, а потому и более грозные опасности. Все это реальные и серьезные причины, не считающиеся с которыми невозможно.

Но есть и другие, проистекающие из некоторых особенностей индивидуальной и общественной психологии человека. Конфликт часто ставит под угрозу то относительное благополучие, которое люди, его имеющие, стремятся сохранить как можно дольше, по возможности даже вечно. И отсюда — призывы к бесконфликтному существованию, желание замять конфликт, так или иначе снять его, как можно меньше меняя при этом в привычном укладе жизни. Стремление это естественно, хотя, по большому счету, и невыполнимо. Впрочем, социальные издержки подобного консерватизма давно уже осознаны, проанализированы, и многие страны закладывают в свои политические, экономические, правовые системы, в структуру своих общественных и государственных институтов средства разумного и рационального ограничения этой тенденции¹.

¹ Разумеется, «снять» консервативную тенденцию совсем было бы и нереально, и контрпродуктивно: часто забывают, что слово «консерватизм» происходит от «консервации», то есть сохранения чего-то такого, что заслуживает сохранения и

Рядом с ним, однако, существует и достаточно стойкое, мало-осознаваемое, почти инстинктивное представление, будто жизнь может быть организована неким идеальным образом, когда не будет бед, проблем и конфликтов, восторжествуют разум и справедливость и всем будет хорошо. Истоки его восходят и к нравственному инстинкту человека, и к религиозным воззрениям, и к тем научным представлениям, что сформировались еще классическим периодом в развитии естественных наук на протяжении XVII-XIX веков, но только в XX веке превратились в один из интуитивно и эмоционально значимых компонентов массового сознания.

Представление это выполнило в истории колоссальную духовную роль. Оно служило тем средством психологической компенсации, что позволяло человеку, его психике справляться с нравственными и душевными перегрузками эпох невежества, материальной и интеллектуальной слабости человеческого рода. Именно это представление дало возможность человеку духовно, а затем и практически окончательно расстаться со средневековьем и начать созидать то, что сегодня принято называть модернизмом, новой и новейшей историей, современностью.

Но к концу XX века этот когнитивно-этический комплекс явно исчерпывает себя — и по существу, и, как следствие этого, психологически. Осознание его иллюзорности фактически уже идет, и достаточно интенсивно. И либо на базе этого осознания смогут быть найдены новые практические решения (а тем самым открыты и новые психологические, нравственные возможности), либо целые страны и регионы могут надолго опуститься в кризис разочарования, социального безволия, нравственного упадка.

Все это имеет самое непосредственное отношение к процессам, развернувшимся на постсоветском пространстве, и прежде всего к происходящим тут конфликтам. Избавиться от конфликта как явления практически невозможно, по крайней мере, в обозримом будущем. Это, скорее всего, даже и нежелательно: конфликт поддерживает жизненный тонус системы, является проявлением и одной из форм ее естественной эволюции. Попытки задавить конфликты и конфликтность, предпри-

даже нуждается в нем. Иное дело, когда на практике сохранение достигнутого ранее — а это основа любого развития, и неперенное условие, когда речь идет о развитии культуры и цивилизации; в этом смысле любое здоровое общество нуждается в сильном консерватизме; — смыкается с чьим-то эгоизмом или субъективной неспособностью к принятию любых перемен, что и составляет в совокупности суть политической, социальной, духовной и иной реакции.

Отсюда и возникает внутренне противоречивая задача поддержания в обществе разумного масштаба и влияния консервативной тенденции, но одновременно и некоторого ее ограничения с тем, чтобы не давать ей превращаться ни в чрезмерную реакцию (какая-то реакция будет всегда и везде), ни в тормоз объективно назревших перемен; удерживать ее от превращения в нечто абсолютное, самодовлеющее. Последнее, впрочем, справедливо применительно к любой тенденции общественной жизни.

нимавшиеся везде и во все времена, рано или поздно неизменно заканчивались тем, что противоречия развития, выставленные в дверь, врывались назад через окно или иные «проемы», только более мощно и разрушительно, более жестоко и безжалостно по отношению к человеку. На сегодня не видно пока и средств, которые теоретически могли бы заменить конфликт в его социальных и исторических функциях.

Следовательно, конфликт как явление неизбежен. Значит, для ограничения и уменьшения его издержек и других отрицательных проявлений конфликт надо цивилизовать, а для этого интегрировать его в систему социальных ценностей, общественных отношений, политических институтов.

Прецеденты есть, и в изобилии. Политическая система США, как известно, изначально основана на принципе конфликта трех ветвей власти и в целом успешно функционирует и развивается уже более двухсот лет, обеспечивая в США весьма высокий по сравнению с абсолютным большинством других государств и политических систем уровень внутренней стабильности. Политическая демократия в принципе вообще по сути своей есть не что иное, как система институционализованного конфликта. Состязательные суды и арбитражи, конкурсы и соревнования, социальная мобильность и различные формы выдвижения кадров — все это исторически сложившиеся системы институционализации конфликтов в определенных областях, в целом действующие весьма эффективно.

Подчеркнем, что речь идет именно об институционализации конфликта, а не о его предотвращении, разрешении (в том смысле, какой вкладывается в это понятие теоретиками соответствующего направления), не об урегулировании как таковом и не о том, чтобы загнать конфликт вглубь. Институционализированный конфликт отличается от неинституционализованного только тем, что его течение введено в определенные (впрочем, достаточно широкие) рамки, а разрешение конфликта (носящее чаще всего промежуточный, а не «высший и окончательный» характер) подчинено определенным правилам. Их нарушение влечет достаточно жесткие санкции нередко не только против нарушителя, но и против всех участников конфликта. Соответственно, есть структуры и силы, способные вынести решение о таких санкциях и добиться его осуществления.

Приложить этот опыт в полном его объеме к системе международных и межгосударственных отношений мешает целый ряд объективных и не всегда достаточно изученных обстоятельств. Все ныне существующие системы институционализации конфликтов действуют внутри государств, то есть в условиях и пределах некоей социокультурной, политической и правовой целостности. Даже там такие системы специализированы на определенной сфере политики, деятельности и на присущих этой сфере конфликтах и не распространяют свои институционализацию и функционирование на иные сферы и конфликты. По существу самые первые шаги делает и теоретическое осмысление явления институционализации конфликтов.

Конфликты, о возможной институционализации которых идет речь — макросоциальные, будь то внутренние или международные, — отличаются также своими реальными или потенциально возможными масштабами, продолжительностью (до многих веков включительно), тем, что участниками их оказываются чаще всего большие и очень большие организационные структуры и социально-территориальные системы, а причины таких конфликтов связаны обычно с самыми глубокими проблемами и противоречиями общественной жизни, внутреннего и мирового развития.

Кроме того, конфликт в международных отношениях — в отличие от конфликтов внутри государства — часто означал и означает войну либо, как минимум, потенциально чреват ею; подсознательно до сих пор если не отождествляется с войной, то очень тесно (и с достаточными основаниями) связывается с ее возможностью и угрозой. Не случайно все исследователи международного конфликта обращаются именно к конфликтам, уже достигшим тех или иных фаз вооруженного противоборства; под конфликтом зачастую понимают только такое противоборство, пусть в слабых его формах; операции ООН (теперь, видимо, НАТО) направляются на «миротворчество», а не разрешение конфликта как таковое. Слова «институционализация войны», согласимся, звучат пока дико и отторгаются сознанием.

Но, во-первых, институционализация конфликта не тождественна неременной институционализации войны, особенно войны любой и всякой. Во-вторых, именно институционализация войны в международных отношениях позволила бы резко ограничить как количество самих войн, так и степень их жестокости и их издержки, особенно потери среди мирного населения. И, в-третьих, поскольку в обозримом будущем обойтись без применения силы в международных отношениях, скорее всего, не удастся, то институционализация такого применения не только укрепляла бы правовое начало в мировой политике (этот процесс идет и так), но повышала бы эффективность принимаемых мер, позволяя обходиться меньшей и более избирательно направляемой силой.

Институционализация международного конфликта упирается пока и в отсутствие в мировой политике «полицейских» сил и структур, в нежелание большинства государств — по многим и разным причинам — создавать такие силы на постоянной основе, оплачивать их существование и функционирование. В перспективе, однако, от решения этой задачи, видимо, не уйти; а само решение может стать необходимым гораздо раньше, чем думают многие. Одно из главнейших достоинств любой институционализации — эффект «обезличивания», которым она всегда сопровождается и который снимает любые обвинения в том, будто кто-то подыгрывает одной из конфликтующих сторон.

Проблема в основе своей проста и естественна: если в свое время государство возникло, судя по всему, под давлением необходимости противостоять захлестывающему все и вся насилию (фактически со становлением института государства насилие стало первой сферой

деятельности, где оказалась введена государственная монополия, попытавшаяся ликвидировать здесь «частное предпринимательство», с тех пор именуемое преступностью), то теперь перед во многом аналогичной задачей, только по отношению к политически и социально дестабилизирующим конфликтам, стоит весь мир. Особенно в промышленно развитой его части, где такие конфликты могут обернуться тяжелейшими экологическими угрозами, последствиями, катастрофами глобального масштаба.

Что подсказывает в этом отношении опыт постсоветского пространства; чем он интересен именно с такой точки зрения; и какие проблемы содержательного (не политического — это отдельная тема) характера предстоит решить, чтобы конфликт из фактора дестабилизации макросоциальных, в том числе международных отношений мог бы превратиться в один из факторов их стабилизации?

* * *

Прежде всего, что понимать под стабильностью вообще, стабильностью макросоциальных и международных отношений в частности? К какому ряду понятий принадлежит категория «стабильности», с какими иными категориями и в каком понятийном «родстве» находится? Ответим на эти вопросы вначале применительно к процессам и системам, в которых никак активно не участвует человек (но может присутствовать в них как физическое тело, как сумма химических веществ или как пассивный наблюдатель).

Необходимо подчеркнуть, что хотя понятия стабильности, дестабилизации, устойчивости и родственные им широко используются применительно к оценкам внутренней сферы общества и состояния международных отношений, политическое и политологическое определение этих категорий продолжают оставаться преимущественно интуитивными, что дает право предложить изложенную ниже их интерпретацию.

Очевидно, ближайшими смежными со стабильностью понятиями можно считать категории неизменности-изменчивости-эволюции. То есть категории, обозначающие определенные виды процессов, возможные в системе взаимодействий «время-пространство-объект-процесс».

Неизменность — суть процессы, в которых меняются только координаты времени и пространства, состояние же объекта остается на всем протяжении процесса практически одним и тем же.

Изменчивость — такие процессы, при которых возможны или имеют место некоторые перемены в состоянии объекта; однако о природе и причинах таких перемен исследователю ничего не известно, а наличие в них каких-то закономерностей, некоего внутреннего порядка с очевидностью не просматривается.

Эволюция — процессы, сопряженные с такими изменениями в состоянии объекта исследования, которые носят зримо упорядоченный характер, даже если природа данной упорядоченности от нас скрыта. В эволюции хотя бы угадывается некое общее ее направление, тогда

как в изменчивости в лучшем случае можно определить вектор конкретных ее факторов и примеров.

Два принципиально разных вида изменчивости — хаотическая и упорядоченная, — вызывают потребность в категориях, которые позволяли бы различать и описывать тот и другой в смысловых единицах, равно чувствительных к наличию и общего, и различий в описываемых и анализируемых явлениях.

Понятие хаоса отрицает в принципе саму возможность какого бы то ни было порядка. Изменчивость же предполагает, как минимум, теоретическую возможность некоего порядка, пусть даже в данный момент этот порядок не только нам неизвестен, но имеющиеся в нашем распоряжении средства наблюдения и измерения не позволяют засечь даже намек на него. И все-таки хаотическая изменчивость — это уже не хаос, а нечто качественно более высокое, сложное.

Упорядоченная изменчивость, напротив, начинает уже ограничивать с эволюцией и даже переливаться в нее. Порядок еще не ясен, мера соотношения в конкретных процессах порядка (то есть каких-то присутствующих этим процессам закономерностей) и случая, стихии пока не поддаются определению и оценке. Но сам факт присутствия — и не малого, коль скоро речь зашла об упорядоченности, — какого-то порядка уже не вызывает сомнения.

Всякий же порядок требует — в научных и практических целях, — способности различать в конкретных обстоятельствах наличие или же отсутствие порядка, а также возможность, факт и меру его нарушения, хотя бы приблизительно: неопасное, опасное, угрожающее, катастрофическое. Именно здесь в наши рассуждения входят понятия устойчивости и стабильности.

Характеристика устойчивости может быть отнесена к процессу, состоянию и эволюции. Поскольку любой процесс всегда подвергается воздействию каких-то внутренних и внешних возмущений, то устойчивость указывает на способность самого процесса и/или каких-либо средств его регулирования удерживать неизбежные колебания в минимально возможных пределах, практически слабо сказывающихся на ходе и результатах процесса.

Устойчивость состояния предполагает не только аналогичное удержание состояния в минимально отклоняющихся от неких, как-то установленных параметров, но и способность объекта (системы) самостоятельно восстанавливать нарушенное равновесие (таков, например, смысл выражения «устойчивость энергосистемы»). Устойчивость эволюции указывает на в принципе сохраняющуюся на протяжении длительного времени направленность данной эволюции.

Устойчивость как характеристика сама по себе ничего не говорит о своем качестве. Устойчивыми могут быть падение, процессы распада, состояние застоя, энтропия, вырождение, нисходящее развитие и т.п. Устойчивость — не обязательно неизменность, хотя может включать ее как частный случай. Если же речь идет об изменениях, устойчивость предполагает малую изменчивость самих изменений,

минимальность их колебаний вдоль некоей результирующей и высокое постоянство факта и направленности этих изменений.

Стабильность — одно из тех многих иностранных слов, которые, переселившись в русский язык, постепенно обретают тут свое значение, все дальше и дальше отходящее от оригинала¹.

В современной ее интуитивной русскоязычной трактовке стабильность — не неизменность, иначе новая категория вряд ли бы прижилась. Напротив, стабильность решительно связана с динамикой, с возможностью или даже неизбежностью перемен, хотя и предполагает высокую степень их упорядоченности.

Стабильность — не просто устойчивость: мчащийся во Вселенной мертвый метеорит куда как устойчив и при этом неизменен в своем стремительном движении. Стабильность и не простота: никто не скажет про булыжник, что тот стабилен, хотя камню явно присуща чрезвычайно высокая по меркам человеческой жизни степень постоянства.

Очевидно, стабильность — суть синтетическая оценка, всегда включающая явную или имплицитную характеристику трех качественно разных, но теснейшим образом взаимосвязанных групп признаков:

а) это описание некоего состояния, по природе своей достаточно сложного, неоднозначного, динамичного, требующего оценки его не отдельными параметрами, пусть даже и очень большим их числом, но взаимосвязью таких параметров;

б) притом состояния не любого объекта, но некоторой системы, внутренне достаточно сложной для того, чтобы допускать возможность ее дестабилизации (что возможно только в системе);

в) притом не любого состояния этой системы, но только такого или таких, что как-то связаны с природой данной системы, с ее внутренним порядком, с его поддержанием или угрозами ему, а тем самым и системе в целом.

Применительно к процессам, в которых никак активно не участвует человек, стабильность можно определить как неизменность или ничтожно малую изменчивость основных характеристик протекания процесса существования данной системы во времени, что позволяет этой системе оставаться практически неизменной или эволюционировать естественным для себя образом; в сочетании с твердой определенностью или весьма высокой предсказуемостью получаемых при определенных условиях промежуточных и/или конечных результатов данного процесса.

Такое понимание стабильности, во-первых, подчеркивает динамическую природу самих явлений жизни систем и их развития. Во-вторых, под приведенное определение стабильности подпадают лишь

¹ В переводе с английского «stability» означает «устойчивость, стабильность, состояние равновесия; постоянство, непоколебимость; остойчивость», а также «обет, обязывающий монаха всю жизнь оставаться в одном и том же монастыре». См.: Большой англо-русский словарь. Т. 2. М., 1972. С. 527; Новый большой англо-русский словарь. Т. III. М., 1994. С. 341.

процессы и явления, протекание которых определяется причинно-следственными закономерностями только линейного и/или вероятностного (но не много-многозначного) характера¹.

В-третьих, данное определение стабильности связывает между собой протекание процесса и его результат. Так, под воздействием перемен в условиях процесс может пойти как-то иначе, но привести к прежним результатам. Или, наоборот, протекать по-прежнему, но давать иные результаты. Очевидно, в обоих случаях стабильность окажется нарушенной.

* * *

В отличие от всего, о чем шла речь выше, при исследовании международных, а также любых иных общественных отношений любого масштаба и уровня сложности мы имеем дело с процессами, самое активное участие в которых (в онтологическом, историческом и практическом смыслах) принимает человек. А это вносит две принципиально новые грани в данное выше определение стабильности (а тем самым и в понимание различных видов ее нарушений).

Первая: деятельность человека, в предельно широком смысле этого слова, является одной из важных, а иногда и определяющей частью соответствующих процессов, а тем самым и важным или даже определяющим фактором стабильности/дестабилизации тех общественных отношений, систем, социально-территориальных комплексов, в которых развиваются и для которых значимы данные процессы.

Вторая: констатация и оценка стабильности или дестабилизации начинает решающим образом зависеть не только от объективной природы и протекания соответствующих процессов, но и от того, что известно человеку вообще и конкретным участникам определенного взаимодействия о данном процессе, его природе, особенностях протекания и т.д. Начинает такая оценка сильнее всего зависеть и от интересов и ожиданий участников процесса и/или наблюдателей. Так, кризис в экономике может, в зависимости от названных причин, одним быть расценен как катастрофа (а следовательно, опасная дестабилизация); другие же вполне могут увидеть в нем предпосылку и признак близости последующих перемен и оценят то же самое положение как стабильное². Самое парадоксальное, что и первые, и вторые будут при этом по своему правы. По очевидным причинам, применительно к конфликтам все изложенное проявляется наиболее сильно и эмоционально.

¹ См.: Мерлин В.С. Взаимоотношение иерархических уровней в системе «человек-общество» // Вопросы психологии. 1975. № 5. С. 3-11.

² Именно в таком контексте, в частности, тут оказываются возможны и даже наделены некоторым интуитивно угадываемым смыслом оценки типа «устойчивая стабильность» или «стабильная устойчивость», применение которых к характеристике процессов, состояний и перемен, в которых не участвует человек, лично у меня вызывает некоторое напряжение.

Это ставит проблему необходимости и конкретных путей и способов непереносимого учета диалектики объективного и субъективного¹ при анализах и прогнозах любых процессов, участником которых является человек.

Субъективный фактор выступает в реальных социальных и политических процессах в трех взаимосвязанных его ипостасях:

— в конкретной форме и содержании того, какая часть объективной реальности дана данному субъекту (личности, группе, сложному социальному субъекту) в информации, деятельности, восприятии (субъективные условия бытия, сознания и деятельности);

— как проявления индивидуальных свободы выбора и самовыражения данного субъекта, то есть его способности находить применение собственным воле, устремлениям, комплексам и т.д.;

— как субъективные возможности, которыми располагает данный субъект (то есть только ему присущее уникальное сочетание как его индивидуальных способностей и других качеств, так и наличия у него практических, организационных, иных возможностей, определяющих потенциальные масштабы действий и их последствий).

Необходимо особо подчеркнуть следующие моменты:

а) природа и содержательная наполненность субъективного всегда объективны, но это объективность более высокого и сложного порядка по сравнению с объективностью мира тех явлений, где вообще отсутствуют субъективный фактор;

¹ Западные политическая и другие науки об обществе и человеке в той их части, что лежит вне марксистской философской и методологической традиции, как известно, вообще не ставят проблему диалектики объективного и субъективного. Хотя, с другой стороны, не могут и не видят ее. В необходимых случаях потребная грань этой проблемы решается в операционально-методическом ключе (тематика образа и когнитивной сферы в психологии и социальной психологии; восприятия — в политической науке; прямых и обратных связей — в кибернетике, информатике, теории управления; и т.д.). При всей практической обоснованности таких подходов, ни одни из них не ставят своей целью и задачей осмысление диалектики объективного и субъективного именно как самостоятельной общетеоретической и общеметодологической проблемы.

Поэтому было бы ошибкой отказываться от серьезных разработок этой проблемы, выполненных в свое время в советской литературе. Это прежде всего работы Г.А.Арефьевой.

Операционализацию этих разработок применительно к политико-психологическому изучению международных отношений и социально-территориальных систем см.: Косолапов Н.А. Социальная психология и международные отношения. М., 1983. С. 22-39; Косолапов Н.А. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. М., 1994. С. 73-82. См. также обзор основных направлений исследований конфликта в США: Косолапов Н.А. Международные конфликты: эволюция теории (вторая половина XX века) // Конфликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории / Проблемы американистики. Вып. 11. М., 2001. С. 11-40.

б) именно наличие субъективного фактора во взаимодействии «включает» причинно-следственные связи много-многозначного типа;

в) а потому в любом взаимодействии, в котором присутствует субъективный фактор (и тем более в таком взаимодействии, как конфликт), именно субъективный фактор всегда и непременно выступает как ведущий, определяющий¹.

С учетом всего, о чем шла речь до сих пор, применительно ко всем явлениям и процессам, включающим в себя социальную компоненту и тем самым субъективный фактор, правомерно говорить о трех базовых уровнях их стабильности:

первый — системный уровень, складывающийся из закономерностей и тенденций материальной компоненты рассматриваемых процессов, а также из наиболее крупномасштабных и долговременных тенденций соответствующей части социального (объективная компонента субъективного фактора);

второй — когнитивный уровень, складывающийся из наличия у действующего субъекта (или субъектов) необходимой, достаточной и своевременной информации о событиях, явлениях, процессах, развивающихся на первом уровне, а также из наличия у них определенного понимания происходящего (что включает достигнутый уровень знаний вообще и конкретное владение этими знаниями данным субъектом);

третий — операциональный уровень, складывающийся из ожиданий субъекта применительно к данной совокупности процессов (то есть какую их эволюцию он ждет и/или хотел бы видеть), а также из его времяощущения (рассматривает ли он эту эволюцию как нечто естественное или же неожиданное; считает ли себя находящимся в цейтноте или же полагает, что спешить некуда).

Тогда стабильность в комплексе объективно-субъективных взаимодействий можно определить как такое протекание процессов и/или динамическое состояние некоторой системы связей и отношений в пределах этого комплекса, при которых:

а) материальные и макросоциальные компоненты этих процессов и/или системы, каждая в отдельности и все они в совокупности, развиваются и эволюционируют без резких колебаний всех или важнейших своих параметров в любую сторону;

б) субъекты-участники таких процессов и/или системы знают и понимают происходящее либо имеют практическую возможность до-

¹ Это утверждение, вроде бы грешащее психологизацией, на самом деле согласуется с системными представлениями о развитии: новый качественный уровень системы не возникает, если он не нужен; но, однажды возникнув, именно он как наиболее сложный, «высший» начинает определяюще влиять на остальные, более ранние и как бы теперь «низшие». Кроме того, «субъективное» отнюдь не тождественно «психологическому» (хотя между ними есть немало пересечений), и признание ведущей роли за субъективным — то есть за практической и исторической деятельностью человека — само по себе не означает психологизации представлений о том, по каким законам строится, проявляется, производит эффект эта его родовая и непосредственная деятельность.

быть недостающие им информацию и/или знания, не рискуя утратить при этом контроль над происходящей эволюцией;

в) общая направленность процессов первых двух уровней в целом соответствует ожиданиям субъектов и не вызывает у них ощущения острейшего дефицита времени, угрожающего утратой контроля над эволюцией и возможностью (реальной или воображаемой) крайне нежелательных либо даже катастрофических потенциальных последствий.

Иными словами, стабильность — это (в совокупности, а не по отдельности):

— не статус-кво или неподвижность, но динамика всех и всяческих жизненных процессов, остановить которую не дано никому;

— причем динамика, не искажаемая экстремальностью внешних или внутренних условий жизни, особенно экстремальностью, которая создавалась или вызывалась бы искусственно;

— предсказуемость наиболее существенных, принципиальных параметров и состояний системы, направлений и тенденций ее эволюции и развития;

— возможность рационально, практически и эффективно реагировать на те перемены, что приносит жизнь, особенно на потенциально наиболее угрожающие или нежелательные из них.

При этом наиболее существенно именно последнее: угроза существенно теряет в своей опасности, если человек ее в принципе ждет, знает, как ей противостоять, и имеет для этого возможности (пусть даже только относительные) и запас времени. То есть категория стабильности непосредственно соприкасается с понятием и явлением безопасности как объективного состояния и субъективного восприятия некоей данности.

Поэтому в психологическом и политико-психологическом смысле стабильность — это когда человек способен распоряжаться временем, а не время — человеком. Следовательно, принципиально важно, с позиций какого именно субъекта констатируется и оценивается наличие как стабильности, так и угроз ей — особенно применительно к сферам социально-экономического, международного и к возможным в этих сферах конфликтам.

Тогда нарушением стабильности (дестабилизацией) объективно оказывается появление и/или проявление любой угрозы стабильности (как она определена нами выше) и устойчивости системы в целом и/или важнейших процессов ее жизнеобеспечения, откуда бы такая угроза не исходила и в чем бы не выражалась; а субъективно — как такое нарушение привычного течения событий, явлений и процессов, которое вызывает у субъекта ощущение потрясения, ставит его в ситуацию субъективного и/или объективного дефицита времени и/или практических возможностей для исправления положения в желаемом направлении, приводит к резкому сужению поля видимых ему и/или реально доступных альтернатив, результатом чего может стать выход процессов и событий из-под контроля данного субъекта, разрушение вследствие этого привычных ему отношений и структур, а в предель-

ном случае и политическая, административная или физическая гибель данной социально-территориальной системы и/или самого этого субъекта.

Таким образом, просматриваются три уровня оценки состояния стабильности и/или дестабилизации любой социально-территориальной системы — государства, региона, системы международных отношений в целом, а также их отдельных подсистем, частей и процессов:

- объективное состояние («сколько воды в стакане»);
- субъективная оценка («полон стакан» или «пуст»);

— поведенческая предрасположенность, возникающая под влиянием сочетания объективного состояния, его субъективной оценки и личностных (системных) особенностей субъекта. Причем в контексте дестабилизации должны, видимо, рассматриваться и оцениваться и немедленные, и отсроченные во времени возможные последствия такой предрасположенности.

Оценки возможных и вероятных нарушений стабильности должны, видимо, включать также и какую-то качественную характеристику самой грозящей или фактически разворачивающейся дестабилизации. На операциональном уровне целесообразно выделять три качественно разных типа дестабилизации:

(i) извне данной системы, когда серьезные объективные потрясения переживает некий макропорядок — региональные и/или глобальные международные отношения, отдельные их сектора или уровни, — и эти перемены сильно и негативно сказываются на состоянии и тенденциях эволюции рассматриваемой социально-территориальной системы;

(ii) извне системы, когда против нее активно предпринимаются какие-либо субъективные действия (подрывная деятельность, блокада или санкции, разные формы нажима, полувойенные и военные действия и т.д.), заметно и надолго нарушающие нормальное функционирование и/или развитие этой системы или даже ставящие под угрозу само ее существование;

(iii) изнутри самой же социально-территориальной системы, причем тут, в свою очередь, возможны несколько вариантов:

— «энтропия»: когда внутри данной системы или извне по отношению к ней в той или иной мере уже запущены и идут (с большей или меньшей скоростью) какие-то объективные процессы, приводящие к эрозии, загниванию, самораспаду каких-либо важных ее компонентов и/или системы в целом;

— «раскачивание лодки»: когда рассматриваемая система объективно находится в стабильном состоянии (или, как минимум, в таком, которое у врачей принято обозначать понятием «практически здоров»), но субъективные действия отдельных групп и сил угрожают в чем-то нарушить эту стабильность;

— «превышение скорости»: когда чрезмерно быстрое положительное развитие системы в целом или отдельных ее частей создает внутрисистемные диспропорции, становящиеся или способные стать причиной и источником дестабилизации.

* * *

Таким образом, с одной стороны мы имеем широкий диапазон возможных типов конфликтов и конфликтогенных отношений, а с другой — не менее широкий спектр потенциально возможных типов нарушений внутренней и/или международной стабильности и безопасности.

«Отношения» между конфликтом и стабильностью носят далеко не однозначный характер. Здравый смысл и повседневный опыт говорят, что конфликт обычно подрывает или даже взрывает стабильность. В частных, не столь уж редких случаях это действительно так. Однако не столь редки и другие варианты: когда локальный конфликт слишком слаб, чтобы серьезно сказаться на стабильности системы в целом (таковы, например, по отношению к России конфликты в Грузии или Карабахе, даже в Чечне); и когда сам конфликт выступает одним из факторов пусть странной и «некомфортабельной», в чем-то серьезно ущербной, но стабильности¹. В последнем случае возможны, видимо, три принципиально разных сценария «конфликта как фактора стабильности».

Один — когда стихийно возникающий конфликт доходит до каких-то, становящихся устойчивыми (при этом нередко крайних), форм противостояния, закрепляется в этих формах и уже в таком качестве превращается в долговременный фактор жизни страны или группы стран. По сути это стабильность самого конфликта, часто — стабильность войны как образа жизни. Такими были Столетняя война в Европе, двух-с-половиной-вековая борьба России против татаро-монгольского нашествия, такими чертами обладает ближневосточный конфликт. Естественно, «такой хоккей нам не нужен», подобная стабилизация через конфликт не может быть целью нравственной и ответственной политики.

При другом сценарии конфликт может и не доходить до крайних его форм, однако противостояние затягивается, приливы в нем сменяются отливами, формы противостояния по тем или иным причинам оказываются неустойчивыми, а сам такой конфликт, сильно растягиваясь во времени, также превращается в долговременный фактор жизни и развития для его участников и соседей. По существу тут мы имеем дело с одним из вариантов стабильности нестабильности — теоретически интересным, житейски неприятным.

Наконец, при третьем сценарии стихийно возникающий конфликт перехватывается по возможности на самых ранних его этапах и канализируется в заранее заготовленные для подобных случаев формы и процедуры его ограничения, сдерживания и решения. Устойчивость самого процесса введения конфликта в некоторые рамки

¹ Здесь, видимо, необходимо лишний раз подчеркнуть, что стабильность суть состояние, отвечающее данному нами (или иному) определению. От нее как явления вовсе «не требуется», чтобы данная конкретная стабильность нам нравилась.

и его стабилизирующее воздействие на окружающую социальную и/или политическую среду зависят как от качества созданных с этой целью механизмов и процедур, так и от умения и способностей всех тех, кто выступает в роли пользователей системы канализирования конфликтов и конфликтных отношений. Естественно, подобная система не возникнет сама, ее необходимо проектировать и создавать.

В этих условиях институционализация конфликтов должна, по-видимому, быть направлена прежде всего на возможно большее сужение тех частей обоих спектров (напомним: спектра конфликтов и спектра дестабилизаций), в пределах которых наиболее вероятны, с одной стороны, конфликты, решаемые не иначе как силой, а с другой, дестабилизации, легче всего выходящие из-под контроля и труднее всего под него возвращающиеся.

Наличие достаточно надежной и эффективной системы обращения с макросоциальными конфликтами (которая обеспечивала бы conflict management в полном смысле этих слов) в сочетании с накопленным опытом ее успешного конструктивного использования открывало бы в принципе путь к возможности осуществления четвертого сценария в отношениях между конфликтом и стабильностью. При совмещении названных выше условий — но никак не раньше! — практической задачей мог бы стать «перехват» назревающего конфликта, его искусственное раннее «провоцирование» (сродни искусственному вызыванию града или схода снежных лавин в безопасные и удобные для человека сроки и обстоятельства) с последующей канализацией в процесс управления конфликтными отношениями и ситуациями с тем, чтобы снизить издержки и облегчить процедуры решения данного конфликта, а также снизить общую конфликтность в обществе либо в каком-то комплексе внутренних и/или международных отношений.

Фактически именно такую задачу — опередить назревавший и готовый прорваться кризис, не дать ему вылиться в стихийные, опасные и даже трагические проявления (как это произошло в ГДР и особенно в Румынии) пыталась решить перестройка, не располагая, однако, для этого ни теоретическим инструментарием, ни нужными институтами и процедурами, ни тем более опытом такого рода.

Очевидно, никакие концепции разрешения конфликтов и конфликтных ситуаций не смогут стать теоретической основой для создания системы институционализации конфликта просто потому, что концепции эти не поднимаются над самим конфликтом, не выходят за его рамки. Необходима разработка (по-видимому, в рамках общей концепции мирового развития) прикладной теории стабильности социально-территориальной системы, специальными разделами которой стали бы теория контролируемой дестабилизации и теория реформ, в совокупности нацеленные одновременно и на осуществление (в том числе иногда и принудительное) назревших в какой-то части общественных отношений перемен, и на удержание конфликтности и самих таких перемен в рациональных и оптимальных пределах, не представляю-

щих угрозы стабильности и безопасности данной социально-территориальной системы и ее внешнему и международному окружению.

Только тогда конфликтность сможет проявляться в направляемых и контролируемых конфликтах, а сами конфликты, сохранив функции источника и пружины развития, во многом (но, разумеется, не до конца) утратят свой разрушительный потенциал.

Здесь, однако, нас поджидает очень непростая политическая и управленческая проблема. По самой своей природе подобные механизмы и процедуры могут ориентироваться преимущественно или даже исключительно на получение отсроченных, долговременных, стратегических результатов. Вопрос, как заинтересовать в создании и функционировании системы институционализации конфликта политиков — которые и вообще, а в условиях демократического общества особенно тяготеют к ориентации на сроки, не выходящие за пределы ближайшей избирательной кампании. Придется смириться и привыкнуть также и к тому, что долговременные результаты развития неизбежно отличаются, иногда очень существенно, от любых изначальных схем, планов, намерений и ожиданий человека.

* * *

В чем же тогда практический смысл предлагаемой деятельности? На мой взгляд, не считая научного интереса задачи воспользоваться конфликтом как опорой для поддержания динамической стабильности социально-территориальной системы или некоторого сложного комплекса общественных отношений, таких смыслов, как минимум, два.

Первый наиболее очевиден. Там, где в интересах правящих сил подавляются всякая оппозиция и любые проявления конфликтности, система сохраняет стабильность обычно только на протяжении того периода, пока жив и/или пребывает в силе действующий политический лидер: монарх, диктатор, тиран, авторитет. Но при малейшем ослаблении лидера подобная псевдостабильность почти неизменно оборачивается потрясениями и конфликтами, по их масштабам и последствиям намного превосходящими все то, что могло бы стать «худшим вариантом» в рамках своевременных и упорядоченных реформ. «Византийство» может устраивать базилевса, но для общества на рубеже XXI века оно становится недопустимой роскошью и потенциально величайшей угрозой его благополучию, развитию и даже самому его существованию.

Другой смысл менее очевиден, но он-то и является главным. Если действительно существуют некие закономерности социальной жизни и развития — в чем бы они ни заключались, — то ход уже реально состоявшейся истории может быть умозрительно представлен в виде некоторой линии, графика (вопрос о точном его рисунке мы сейчас оставляем в стороне). Линию эту мы будем условно называть «исторической равнодействующей». Очевидно, она в принципе может быть так или иначе продлена, экстраполирована в близкое или более отдаленное будущее.

Одна и та же равнодействующая, однако, может суммировать в себе процессы как с очень широкой, так и с весьма узкой амплитудой колебаний вокруг этой линии. Стихийный ход событий, и особенно энтропия, тяготеет к увеличению амплитуды таких колебаний. Всякий раз, когда мы составляем амбициозные социальные планы и, не располагая достаточным социальным знанием и адекватными средствами социальной инженерии, пытаемся осуществлять их — зачастую вынужденно скатываясь на силовой путь за неимением других средств, — мы тем самым увеличиваем амплитуду колебаний вдоль нашей гипотетической равнодействующей. В практическом плане увеличение колебаний оборачивается усилением дестабилизаций, всевозможными потрясениями, конфликтами и войнами, страданиями огромных масс людей.

«Прямолинейно» мыслящие и действующие политики и реформаторы, сами того не желая и не ведая, раскачивают исторический маятник. Очевидно, гуманный и нравственный подход к разрешению конфликтов и противоречий и, в этих целях, к реформам должен быть направлен — по крайней мере, на современном уровне социальных познания и инженерии, — не столько на достижение каких-то конкретных, априорно провозглашаемых целей (что все равно заведомо не сможет быть материализовано в том виде, в каком такие цели изначально декларировались и принимались как политические установки), сколько на сужение диапазона и выстраивающегося во времени «коридора» колебаний реального хода общественной жизни и развития вдоль складывающейся «исторической равнодействующей», отражающей этот ход и описывающей его достигаемые на каждом этапе результаты.

Смысл концепции «конфликт как фактор стабильности» — именно в этом. Невозможно избавиться от конфликтов как явления. Но вполне реально (даже не располагая дополнительным социальным знанием), институционализовав если не все, то основные типы конфликтов, уменьшить тем самым диапазон наших исторических шарканий, масштабы и остроту страданий и социальных переживаний людей. А это само по себе способствовало бы снижению общей конфликтности и более рациональному и конструктивному отношению к противоречиям общественной жизни и развития.